

„ВСЕ МЫ НАРОД И ВСЁ ТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ,

Экспонат, которого нет в музее

Было это в начале августа 1943 года под Белгородом. Лето тогда выдалось знойное, засушливое. Стояла такая невыносимая жара, что даже ночью нечем было дышать. И вот в такую пору началось историческое наступление советских войск.

В танковом десанте, где я тогда находился, нам приходилось особенно тяжело. С первыми лучами солнца броня так накалялась, что к одиннадцати-двенадцати часам становилась горячей, как утюг. А тут еще непрерывные, ежедневные атаки. Пушки не успевали остыть после выстрелов. В довершение ко всему на территории расположения нашей части не было ни одного озера или ручья. Колодцы же и ручейки все пересохли.

Как-то после особенно ожесточенного боя в нашу танковую бригаду прибыло новое пополнение. Пришел один молодой боец и в отделе, где служил я.

— Сергей Чугай, из Ялты, — весело отрекомендовался он, подавая еще по-мальчишески нежную руку.

Трудно объяснить почему, — то ли потому, что он родился на побережье Черного моря, которого я ни-

когда в жизни не видел, то ли потому, что он, как и я, недавно был студентом, но уже к вечеру мы крепко подружились.

Однажды ночью, когда мы собирались спать, в нашей дружбе появилась трещина. Среди скромных солдатских пожитков в вещевом мешке Сергея я увидел изрядно потертую толстую книгу. «А. П. Чехов. Рассказы» — прочел на титуле. Тут же красовалась лиловая печать какой-то Киевской институтской библиотеки. Приученный с детства считать библиотечную собственность священной, я возмущился.

— Стасия, значит? На книжку позарисовал?

— Стасия, — чистосердечно признался Сергей. — Купить денег не было. Сам студент — знаешь, А эта книга мне жить помогает. Эх, какой это писатель — чудо!

— Писатель хороший, верно. А вот ты ведь ли хороший человек, когда воровать начал, — не успокаиваясь я.

Неприятный ночной разговор наш прекратил старшина, а о необыкновенном пристрастии Сергея Чугая к Чехову я узнал подробнее в другой раз.

Однажды после очередного боя мы встречали рассвет на дне глубокого оврага. Санитарки перевязывали раненых, остальные участники десанта кто как лежал на выгоревшей добела траве и молча вспоминали тех, кто еще два часа назад был среди нас.

На раскнутых под деревьями плащ-палатках поблескивали горки банок с мясными консервами, белели аппетитные буханки свежего хлеба. Никто из них не потрогивал. Страшно хотелось пить. Во рту пересохло, губы потрескались. Но тут и наш всемогущий старшина ничего не мог поделать. Воды нельзя было достать даже в обмен на водку — литр на литр. Пересохшее русло ручейка на дне оврага походило на перерезанное лебединое горло. Казалось, что высокие меловые горы, которые обступали нас, апитали в себя всю влагу земли, и что больше ее никогда не будет.

Ребята, хотите я вам книгу прочитаю, — раздался неожиданно звонкий голос Чугая.

— Да или ты со своей книгой знаешь куда... — охрипшим басом пробурчал черный от гари танкист — Федор Чижик погуб, а ты с книгой лезешь...

Но тут в разговор вмешался командир десантников капитан Леонтьев. Рядовой Чугай, присутствуя к чтению, — скандовал он. — Всем приказываю слушать!

Чугай долго и неуклюже развязывал свой вещевой мешок, затем бережно взял в пощарапанные, пере-

пачканные ружейным маслом ладони зеленеватый том.

— Антон Павлович Чехов, «Лошадина фамилия», рассказ, — громко начал он. — «У отставного генерала Буллеева разболелись зубы. Он похотел рот волкой, коняком, приваливал к больному зубу табачную конопь, опий, скинлар, ке-реси, мазал шкуру йодом, в ухах у него была вата, смоченная в спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту...»

Десантники и танкисты, собравшиеся в овраге, вначале следили за чтением только в порядке выполнения приказа, но с каждой фразой их глаза становились более внимательными. Постепенно, будто оттаявшая, светлели лица. А когда Сергей Буллеева стали вспоминать дошаднюю фамилию, разлзались сдержанные смехи:

— Вот это здорово!

— Прямо с твоих моих списано! Читал Чугай мастерски: глуховатым голосом, просто, но проникновенно, почти не глядя в книгу. Чугай говорил, что это один из любимых его рассказов. В наступившей после чтения тишине послышались реплики.

— Ну, что же ты замолчал?

— Жми дальше!

— Давай еще что-нибудь!

Сергей прислонился, старательно оперев свою выгоревшую на солнце гимнастерку и озорно сверкнул черными глазами. Тут же стал еще более мягким и глубоким, будто и впрямь это был не наш друг-десантник, а маститый столичный артист: «Хамелеон», «Налим», «Злоумышленник», «Роман с контрабасом», — а Чугай все читал и читал. И произошло чудо: за это время, что мы слушали Сергея, все усталость как рукой сняло. Впервые в это утро поднялись глаза утомленные, переживавшие свое горе танкисты. Мне даже и пить хотелось как будто меньше, чем раньше.

С этого дня Чехов стал самым любимым писателем нашей роты. Книгу, азиатку Сергеев в одной из киевских библиотек, зачитали до дыр. Очереду на нее контролировал сам капитан Леонтьев. И я, как ревностно относящийся к библиотечным фондам, давно искал случая помириться с Чугаем, но тут произошло неожиданное. Через несколько дней в танк, на котором вместе с друзьями мы ехали на фронт немецкой обороны Сергея Чугая, пошла болванка. Машина выпыхнула. В горючке не сразу была оказана помощь товарищам. К месту трагедии мы подошли, когда фашисты откатились далеко на запад. Рядом с еще теплым остоном «тридцатьчетверки» лежала покоренная оружейная баня, в разных позах застыли тела десантников. Бережно, на вынутых руках, перенесли мы прах своих сверстников в братскую могилу. Раздался прерывистый воющий салют и на раздольном обгоревшем поле вырос небольшой холмик с красной звездой.

Только теперь кто-то из нас заметил недалеко от подбитого танка отброшенный взрывной волной солдатский вещевой мешок. В нем был знакомый каждому из нас зеленый томик.

— Сохраним его для музея, — решительно сказал капитан Леонтьев. — Пусть знают, что это за книга...

Восмущенный согласился с командиром.

Много лет прошло с того дня. Давно отстроились сожженные села и

города, заросли травой окопы и воронки. Над могилами героев вместо звезд из жесты встали мраморные обелиски...

Несколько раз я собирался съездить на юг, на берег Черного моря, но все никак не удавалось. Только недавно мне посчастливилось побывать в Ялте. Целый день, с утра до позднего вечера, бродил я по живописным, залитым солнечным светом проспектам, долго стоял на ододе в бетон набережной, вспоминая своего друга Сергея Чугая. Ужасная, заросшая густым каштаном улочка привела меня к домику Чехова.

Здесь все время было многолюдно. Ежеминутно в дверь входили все новые и новые группы посетителей: то звонкогласные пионеры, то празднично одетые курортники, то важные иностранные туристы. Все они с интересом рассматривали каждую деталь, каждый незначительный экспонат. Какой гигантский талант должен иметь художник, как много он должен сделать для своей Родины, чтобы заслужить такую негасимую всенародную любовь!

Мне вспомнились мои одноклассники-десантники, которым слово Чехова помогло в битве с врагом. Где они теперь, как сложились их жизни? Я внимательно изучил все витрины. Нет, книги Сергея Чугая здесь не было. В тяжелые военные годы даже у вещей была своя, иногда совсем неслучайная судьба. Значит, не в музей попали потерянные томики Чехова суровые фронтовые дороги. Но я верю — он цел, его читают сотни, тысячи труженников. Ведь хорошие книги живут вечно. И пусть в музеях недостает многих экспонатов — подвиги героев свято хранятся в сердце народа.

Борис КУНЯЕВ

Крупницы руды золотой

О Человеке должен сознавать себя... выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится.

О Искусство писать состоит, собственно, не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать, плохо написанное.

О Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку...

Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

О Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!

О Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде.

О Без труда не может быть чистой и радостной жизни.

О Хотел только честно сказать людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скудно живете!» Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь.

О Пройдет время, и мы уйдем наверх, нас забудут, забудут наши лица, голоса, но скрюченные нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и поминут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.

Наша гордость

Много замечательных имен вошло в литературу после Чехова. Бурный и напряженный XX век проликовал прозаикам и поэтам и новые мысли, и новый стиль. Но почему же не увядает с годами слава Чехова? Пожелай, лучше всего ответил на этот вопрос Илья Эренбург:

«Наверно, были писатели крупнее Чехова, но, кажется, не было в мировой литературе ни одного честнее, счастливее, правдивее, и в этом объяснение неослабевающей любви к нему читателей».

Совещая русской литературы — так называли Антона Павловича Чехова современники, таким предстает он перед нашим поколением.

А ведь его путь в литературу был нелегким, он пролегал к настоящему творчеству через долгие измучительные журнальные юмористики, заставлявшие не одного даровитого литератора, Чехов не сдавался. Он не стал автором разрозненных анекдотов о неуважительных жеманках и скучающих лачинках. Какой неустремленностью и честностью, каким большим талантом надо было обладать, чтобы, пройдя «сквозь стой» «веселых» журналов, насаждавших пошлость и апатичность, стать непримиримым врагом пошлости, автором убийственной гражданской сатиры!

«В детстве у меня не было детства», — с горечью писал зрелый Чехов. Грубая действительность, ложь и деспотизм обступали писателя уже в раннем детстве. Бакалейная лавочка, куда мальчуган Чехов прибегал из гимназии помогать отцу, перерыв, где во воскресным дням Антоша пел в хоре еще неокрепшим голосом, подчинялся воле деспотичного отца. И, наконец, таганрогская гимназия, о которой писатель Тан-Богораз писал: «То был исправительный батальон, только с заменой палок и розог греческими и латинскими эстетическими».

Но уже зрела в сердце Антоши большая любовь к искусству. Он увлекался театром и вместе с братьями играл в домашнем спектакле. Это был «Ревизор». Будущий писатель исполнял роль горничного. Гимназистом пристрастился Чехов и к литературному творчеству. Первым противником, которого атаковал Антоша художественным словом, был инспектор Дьяконов. О нем поместил Чехов стихи в рукописном гимназическом журнале.

В тяжелую для России пору началась самостоятельная жизнь писателя. То были восьмидесятые годы — время вырождения народничества, торжества реактура. В печати властвовала цензура, всякое подобие общественной мысли немалоду вытравили. Так появились безудные в политическом отношении журналы «Средок», «Осколки», «Будильник», «Развлечение», «Зритель» и другие. В них и начинал свою литературную деятельность московский студент-медик Антон Чехов. Преодо-

мента «Палата № 6». В страшных ее образах все мыслящие люди

России увидели вопиющую тупость и гнусность царизма, протест против него. Великий писатель уже понял необходимость борьбы. Но кто они, эти люди, которые смогут встать на борьбу? В «Попрыгунье» Чехов нарисовал полный сил, благородства и обаяния образ незаметного героя — доктора Дымова. В предсмертном произведении — в пьесе «Вишневый сад» показал устремленных в завтра, в светлое будущее России молодых людей — Петю Трофимова и его возлюбленную Ано, «Вся Россия наш сад», — говорит студент Трофимов. «Мы насадим новый сад, раскопшем этот», — повторяет его мысль Аня.

И хотя не увидел Чехов главной революционной силы России — рабочего класса, он верно предсказал светлое будущее своей Родины...

И сегодня великий художник учит нас смотреть вперед и идти вперед, ненавидеть ложь и пошлость, любить красоту.

Г. ЯЗУЕ

А. П. Чехов с братом, художником Н. П. Чеховым.

ПЕВЕЦ КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

же, советский человек не мыслит своей жизни вне труда, вне созидания, и вся жизнь и деятельность советских людей освещена великой «общей идеей» борьбы за построение коммунистического общества, за мир и дружбу на земле.

Но есть и многое другое, что высоко ценит в человеке Чехов и что — и сегодня, и завтра, и в далеком будущем — можно развивать и совершенствовать без конца. Речь идет о таких человеческих качествах, как душевная тонкость и красота, чуткость, воспитанность, скромность и простота в обращении с окружающими, — одним словом, о чертах и свойствах, характеризующих внутреннюю культуру человека, позволяющих говорить об его интеллигентности.

Именно все это имел в виду Чехов, восклицая: «Какое наслаждение уважать людей!» — именно этими чертами пленяют нас те герои Чехова, которым отдали мы лучшее, что было в нем самом.

В нем самом! Да, конечно, прежде всего сам Чехов служил для нас примером скромности и благородства, величайшей деликатности и такта в отношениях с людьми, душевной красоты и изящества Чехов очень любил это слово, к сожалению, почти совсем

забытое у нас! Перечитайте воспоминания современников. Как дружно, и с олим голосом говорят они об огромном человеческом обаянии Чехова, источником которого были в первую очередь его внутреннее изящество, душевная простота и скромность, неизменная благожелательность, уважение к людям! И так велика была сила чеховского обаяния, что даже короткое общение с Антоном Павловичем наполняло его собеседников ощущением света, ясности, чистоты.

«Шел я к вам, будто к началу, — признался однажды Чехову большой, издерганный жизнью школьный учитель, — а ухожу — как от хорошего, близкого человека, который все понимает». «Мне кажется, писал А. М. Горький, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ошупывал в себе желание быть проще, правдивее, быть бо-лее самим собой».

Ничто так не возмущало Чехова, как ложь, неискренность в человеческих отношениях, как лицемерие, грубость, равнодушие. Ничто не заставляло его так страдать, как мысль о постоянно, ежедневно унижаемом человеческом достоинстве миллионов людей. Его злейшим врагом была пошлость, а по словам Горького, он обладал

искусством находить и разоблачать ее «даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блестящим». И очень хорошо сказал тот же Горький, что это искусство «доступно только человеку высоким требованиям к жизни», что оно «создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными».

Среди миллионов чеховских писем есть одно, которое представляет собою как бы свод требований, которые предъявлял Чехов к воспитанному человеку. Это письмо к брату Николаю, написанное

только нимши и кошмам. Они бо-лее душой и от того, чего не увидишь, простым глазом...

Они чистосердечны и боялись, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опешивает в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии...

Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им выждали и няичились с ними...

Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... Делая на грош, они не носят с собой папки на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее чем полную...

Если они имеют в себе талант,

то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женшинам, ви-дом, суетой... Они горды своим талантом...

Пусть внимательно прочтет эти строки каждый из нас, молодые читатели! Пусть не скитит вас их кажущаяся нравочительность, будничность. На первый взгляд, здесь действительно, как будто лишь простой перечень правил поведения, естественных норм общения. Но вдумайтесь глубже в эти строки, и вы почувствуете, что нашел их человек величайшей душевной тонкости и красоты, той внутренней интеллигентности и чуткости, которая подсказывает ему постоянный инстинктивный такт, деликатность, внимательность к окружающим.

Всеми этими чертами покоряют нас и любимые герои Чехова. Есенин, например, чудесный образ молодого ученого, врача Осипа Дымова («Попрыгунья»). Какую огромную нравственную силу и выдержку обнаруживает этот мягкий, застенчивый человек, узнав об измене горячо любимой жены, с какой чуткостью, тактом помогает он ей пережить случившееся, сохранить свое женское достоинство! А сколько внутреннего изящества, тонкости, трогательности внимания к людям в каждой из сестер Прозоровых, как много человеческого обаяния, душевной мягкости в десятках других героев Чехова!

Трагедия всех этих людей заключалась в том, что талантливые, умные, духовно шедые, они лишены были возможности дать окружающим ту радость, которую могли бы дать, совершить то, что могли бы совершить. Вместе с ними Чехов страстно мечтал о той жизни, где человек «на просторе» мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

Чехов не дожид до этой жизни. Но его благородная мечта, его мудрое слово, его светлый облик верного друга России помогают нам устремлять эту жизнь и быть до-стоинными ее.

Своеобразие и глубину чеховских пьес современники писателя поняли и приняли не сразу. Впервые раскрыли и понос до зритель их богатство: ощущение полноты и сложности жизни, поэзию языка и полутонов настроения — Московский Художественный театр. Взаимная творческая дружба связывала артистов и драматурга. Близкие Антона Павловича шуты не раз называли Художественный театр «домом Чехова». Действительно, здесь он нашел друзей отзывчивых, понимающих, надежных.

А. П. Чехов в группе артистов Московского Художественного театра.

Он с нами

В эти дни невольно хочется вспомнить далекое прошлое латвийского театра.

Наше сценическое искусство возникло в тот период, когда Чехов еще не написал ни одной пьесы, ни одного рассказа. Но прошло немного времени и литературная деятельность великого писателя стала величайшим стимулом для создания настоящего профессионального латвийского театрального искусства.

До основания Московского Художественного театра наше искусство не знало понятий: ансамбль, настроение. И вот, как по мановению волшебного жезла, случилось непредвиденное: театр великих новаторов Станиславского и Немировича-Данченко возмущил вековую спешную рутину латвийского сценического искусства. И не случайно знаменательным переломом создателя МХАТа совершили в первую очередь, с помощью интерпретации чеховских пьес. Не случайно уже через десятилетие на занавесе прекраснейшего театра блеснет крылья чеховской чайки, как символ вечного стремления ввысь.

В начале двадцатого столетия этот символ стал близок прогрессивному Новому латвийскому театру. С тех пор все лучше, здоровее, проникнутое духом полнокровного демократизма в театральном искусстве Латвии, связано с влиянием Станиславского и Немировича-Данченко и ансамбля Московского Художественного театра, с творчеством А. П. Чехова. Созданные им искусство настроения и умение раскрыть характерные черты людей и эпохи стали путеводной звездой латвийского советского театра.

И не только театра, но также нашей драматургии. Латвийские советские драматурги следуют традициям Чехова, а его изысканный сценический почерк, искусство создать настроение являются для них источником вдохновения и мастерства.

Поэтому и сегодня мы с полной уверенностью можем сказать: Чехов по-прежнему с нами!

Эд. СМИЛЬГИС,

народный артист СССР.

Открытие памятника А. П. Чехову в Таганроге

Торжества, посвященные 100-летию со дня рождения великого русского писателя А. П. Чехова на его родине, в Таганроге, продолжаются.

26 января на улице, носящей имя замечательного земляка таганрожцев, состоялось торжественное открытие памятника Антону Павловичу Чехову.

На Чеховском сквере, где установлен монумент, собрались тысячи жителей города, гости, прибывшие со всех концов страны. Митинг открыл секретарь Таганрогского горкома КПСС А. С. Биткин. С речами выступили председатель Таганрогского горисполкома Е. А. Скруднев, член правления Союза писателей РСФСР Е. Н. Пермятин, депутат Верховного Совета РСФСР Герой Социалистического Труда ставленец Таганрогского металлургического завода П. С. Шевцов, писатели Украины, Белоруссии, Азербайджана и других республик.

Под звуки Государственного гимна Советского Союза с бронзового памятника спадает белое покрывало, Антон Павлович изображен сидящим на каменной глыбе. Взор его обращен на широкую, прямую улицу, идущую к морю. Авторы памятника скульптор И. М. Рукавишников, архитектор Г. А. Захаров. На постаменте высечены слова: «А. П. Чехов. 1860—1904». К подножию монумента возложены живые цветы.